

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Поединок	8
Побег	29
Наша группа	39
16 сентября	72
Возвращение Комара	86
Свадьба	95
Город должен жить	132
Последние дни	158
Спасение города	164
Василий Степанович	175
Снова на земле друзей. Вместо послесловия	179
Моя почта	200

ОТ АВТОРА

Эта книга была задумана и начата давно — почти сразу после выхода разведгруппы «Голос» из вражеского тыла.

В последние недели войны я — неожиданно для себя — оказался не у дел. Впервые с сорок первого года у меня появилось много свободного времени, и я почувствовал, что должен, обязан оглянуться, осмыслить все, что мне и моим товарищам пришлось увидеть, пережить.

Осмыслить и рассказать...

Но кому? И каким образом?

На художественный рассказ я и не замахивался.

О публикации документальной повести по понятным причинам тогда не могло быть и речи.

Разведчик, выполнив свою задачу, надолго, иногда навсегда, остается неизвестным, безымянным.

Все это я отлично понимал и все же... все же перевел не одну стопку бумаги, адресуя свои записки в одном экземпляре единственному читателю — самому автору.

Затем другие дела, события — бывало всякое: и радостное, и горькое — надолго, на десятилетия отодвинули работу над рукописью.

Я вспомнил ее, когда в печати появились рассказы о деятельности группы «Голос» в тылу врага, и были названы настоящие имена.

Потом на телевизионные экраны пришел «Майор Вихрь». Нет нужды пересказывать содержание фильма. Напомню только, что герои ценою собственной жизни спасли древнюю столицу Польши — Краков. И хотя фильм художественный, герои его собирательные, ряд событий, трагический финал вымышлены, в сюжетной канве можно узнать и дела нашей группы «Голос». Потом появились другие книги, рассказавшие об участниках событий под Краковом.

Пошли письма. В адрес моих товарищей. И на мое имя. Пишут школьники, комсомольцы, земляки-шахтеры, молодые воины и ветераны войны. Пишут из разных концов Союза, из братских социалистических стран. Больше семи тысяч писем. И почти в каждом — вопрос: «Как все было на самом деле? Расскажите обо всем сами».

...Как все было? Об этом в письме не расскажешь. Из моей попытки ответить всем как можно подробней ничего не вышло. Оставалось одно: снова, на этот раз уже в соавторстве с Борисом Хандросом, засесть за старые записи.

Так появилась эта повесть. В ней использованы фронтовые документы, архив разведгруппы «Голос», переписка разных лет.

Пользуюсь случаем, чтобы высказать свою искреннюю благодарность всем, кто прямо или косвенно помогал мне в работе над книгой: Кудрявцеву Владиславу Петровичу, Шаповалову Алексею Трофимовичу, авторам писем, побудивших меня взяться за перо.

ПОЕДИНОК

Выписка из приказа РО 1-го Украинского фронта

«В ночь на 19 августа 1944 года авиадесантом убыть на выполнение специального задания с приземлением в районе 12 километров западнее Беляны, 2 километра севернее шоссе Краков — Катовице.

Задача

1. Осветить скопление войск и гарнизона г. Кракова.
 2. Перевозки войск и военных грузов по шоссейным и железным дорогам через Краков во всех направлениях.
 3. Места расположения штабов, узлов связи, аэродромы, склады и др.
 4. Наличие оборонительных сооружений, их характер по реке Висла и в районе Кракова.
- Связи с Центром держать по радио.

Справка

В ночь с 18-го на 19-е 08.44 г. с аэродрома Ежове на самолете ЛИ-2, экипаж самолета: командир — старший лейтенант Иванов Е. Д., штурман Прокофьев Е. С., заброшена во вражеский тыл группа «Голос». Место выброски высота 43 северо-западнее села Рыбне 20 км.

Выброска удачная».

...Меня словно обложили толстым слоем ваты: удары сыплются со всех сторон, но я почти не чувствую боли. Окончательно просыпаюсь от голосов, резких, гортанных:

немцы. Открываю глаза и сразу натываюсь на дула автоматов. По нашивкам узнаю: полевые жандармы. Один сразу наваливается сзади. Придавливает к земле. И вот уже руки намертво скованы стальной браслеткой. Лежу и, словно в дурном сне, наблюдаю, как гитлеровцы роются в моих карманах, портфеле, рюкзаке. Добыча богатая: батареи радиопитания, немецкие рейхсмарки, польские золотые, американские доллары, пистолет, финка. Мне бы теперь гранату! Не в руки, так в зубы. И себя, и этих гадов.

Так провалить дело! В самом начале! Волокут по дороге, но больше не бьют. Слышу: «Гольдфиш, гольдфиш». Это, выходит, я золотая рыбка, которую хочешь не хочешь, а надо доставить к начальству в живом виде. Откуда ни возьмись — повозка. Туда летят сначала мой рюкзак, затем я. Долго трясемся по просеке. Потом по проселку. Уже темнеет, когда повозка останавливается у жандармского поста Войковице. Вталкивают в каморку. Ноет бок. Голова гудит колоколом: провал, провал.

Спокойно! Тебя чему учили умные люди? В панику не впадать. Надежду не терять. Наваливаюсь на дверь: заперта наглухо. Щупаю массивные стены: бетон. И зацепиться не за что. Прибыл.

А ведь готовились. Как готовились к этой ночи на 19 августа — всю весну и все лето сорок четвертого года! Вновь и вновь перебираю в памяти события последних дней. Больше месяца мы ждали этой минуты, когда скажут: летим.

Последний раз репетируем сигнал сбора: водим финкой по лопате. Звук получается скрежещущим, как у ночной испуганной птицы. Придирчиво допрашиваем друг друга. Гроза не просто отвечает, а наслаждается игрой: врожденный артист.

В 10.00 подошла штабная машина. На аэродроме нас встречает Павлов. Наша группа подчинена ему. С ним будем поддерживать связь. Почти час летим над освобожденной территорией. На прифронтовом аэродроме под Жешувом нас уже ждет специальный самолет ЛИ-2. Приятная новость. Войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели Сандомиром — важным опорным пунктом на левом берегу Вислы. Продолжая бои по расширению плацдарма, наступающие войска заняли десятки населенных пунктов, завершили окружение группировки противника в составе трех дивизий и ведут успешные бои по ее уничтожению.

Мы в гражданской одежде, и наше появление на фронтовом аэродроме, да еще в День авиации, — сенсация. Летчики принимают нас за артистов. И все интересуются, когда начнется концерт. Ну что ж, артисты так артисты. Со штурманом нашего ЛИ-2 уточняем программу «концерта». По карте точно определяем координаты высадки.

Пилот хмурится:

— Вы нам, черти этикие, всю музыку испортили. Думали выпить свои законные фронтовые в честь праздника. Ну ничего: высадим вас тютельница в тютельница.

В 21.00 пришел инструктор, бог парашютистов. Дотошный. Придирается. Пробует на вес каждый рюкзак. Иначе нельзя: из-за перегрузки можно и без ног остаться.

Инструктор тщательно осматривает парашюты, недовольно хмыкает, заметив на Груше огромные сапоги сорок второго размера: других на складе не нашлось. Заставили ее намотать еще одну пару портянок. Наконец все готово. Начинается погрузка.

— Ну, ни пуха ни пера, — говорит инструктор, и лицо его становится каким-то растерянным, виноватым. «Вот вы летите, — словно говорит он, — а я остаюсь: служба. Очень трудно оставаться, когда другие улетают. Очень трудно».

Но у войны свои неписанные законы и сюрпризы.

Инструктор вскоре после наших проводов, можно сказать, дома, на своем летном поле, попал под бомбежку и был убит шальным осколком.

Но все это случилось потом. А тогда, в последние минуты пребывания на Большой земле, мне почему-то особенно запомнились его виноватые глаза.

В 23.00 самолет вышел на старт. Мы быстро оторвались от дорожки, начали набирать высоту. Вот и линия фронта. Горят какие-то села. То слева, то справа от нас шарают по небу длинные пальцы прожекторов. Через несколько минут к нам прилепился вражеский истребитель. Длинная очередь. Одна, другая. «Мессер» сделал еще один залет, снизу. Предупреждаю группу: возможен вынужденный прыжок. Но немец, к счастью, так же внезапно отвалил от нас, как и появился. Летим на юго-запад, набирая высоту. Протяжный гудок, пора... Дверь настезь. Сверяем часы: 0.30. Под нами непроницаемая темень. Что ждет нас внизу? Главное — дружнее прыгать, кучно, не рассеиваться. Снова гудок. Первым прыгает Гроза. За ним — Груша, я — замыкающим. Мой парашют открывается как-то сразу. Поджимаю ноги. Жду. Земли нет. Странное ощущение: словно завис в воздухе. И куда-то несет, несет. Хочется выхватить пистолет, прострелить купол, лишь бы скорее земля. Внизу появляются какие-то светлячки, движутся в одном направлении. Приземляюсь прямо на шоссе на дорогу. Теперь уже можно рассмотреть: светлячки — замаскированные фары машин. Их гул все ближе. Еле успеваю оттащить парашют в кювет. Наготове автомат, граната. Машины мчатся полным ходом. Какие-то обрывки песен, немецкие речи. Кажется, пронесло.

Парашют зарываю в поле. Скребу финкой по лопа-те — в ответ ни звука. Слышен только лай собак, свисток

стрелочника: где-то рядом станция. Непонятно, откуда она здесь. Не видно и лесных массивов, обозначенных на карте. Голая степь. Дороги — шоссейные, железная. Вокруг населенные пункты. Продолжаю давать сигналы, отзыва нет. Видно, сбросили с недопустимо большой высоты. И совсем не тютелька в тютельку. Вот и развеяло нас в разные стороны. Принимаю решение: уходить. До рассвета шел по юго-западному направлению. Забрел в рощу. Рюкзак, портфель запрятал в кусты. Стал снимать сапоги и вдруг услышал шорох. Почувствовал телом, спиной: кто-то смотрит на меня — пристально, неотрывно. Я за пистолет. Оглянулся: глаза, огромные, серые, захлестнутые смертельной тоской. Маленькая косуля в желтых пятнышках. Я тихонько свистнул. Она вздрогнула: скок — только лапки-спички замелькали. Рассмеялся. Хорош Аника-воин — косули испугался.

Теперь на мне костюм, полуботинки. Забираю с собой документы, деньги. Трасса становится все оживленней. Появляются первые велосипедисты — местные жители. Их обгоняют тяжелые, груженные военные машины. Уже у самого села встречаю женщин в выцветших косынках. На рукавах нашивки «Ост». Рабыни двадцатого века. Милые девушки, как вам помочь?! Все ближе дома, постройки под красной черепицей. Заглядываю в крайний дом. На пороге — старуха. Лицо бронзовое, все в морщинах, как у Данте Алигьери. Встречает не очень дружелюбно.

— Цо то пан муви? Ниц по-германски не разумье.

Оказывается, я в Псарах. Краков? Краков далеко. Может, сто верст, а может, сто десять. И граница.

— Какая граница?

— Обыкновенная. Тут Германия, рейх. Там Польша, генерал-губернаторство.

Старуха смотрит на меня, словно я с луны свалился. И вдруг захлопотала:

— Проше пана, каву.

Кофе я выпил, старуху поблагодарил и обратным ходом, в лесопосадку. Осмотреться, обдумать план действий, принять решение. Развернул карту — не обманула старуха. Силезия — вот куда нас занесло. На все заставки ругаю штурмана, пилота. Впрочем, ругай не ругай, а выход один: забрать вещи, самое необходимое, и двинуть в сторону Олькуш — к границе. С моими документами мне в Германии ни в селе, ни в городе показаться нельзя.

Лес оказался редким — не лес, а подлесок, но тянулся в нужном мне направлении на восток. Пересек шоссе-ную дорогу и снова углубился в уже знакомую мне рощу. Рюкзак, портфель нашел сразу. Все сильнее сказывалась усталость, не спал почти двое суток. Присел на пенек. И незаметно для себя задремал. Разбудили жандармы. И все. Был Голос, и нет Голоса. Впереди допросы, пытки. Остается одно — умереть достойно. Но как? В этой бетонной коробке даже повеситься нельзя. А если б мог? Кто дал тебе право так уйти? И кто сказал, что все кончено? Где вы теперь, мои товарищи? Что с вами, далеко ли отнесло вас ветром? Может, и на ваш след напали гитлеровцы? Может, в эту минуту допрашивают, пытаются?

Проходит час, другой. Меня на допрос не вызывают. В камеру врываются звуки губной гармоники, пьяные голоса.

Суббота. Гуляет жандармерия. Выбросили нас в ночь на пятницу. Гроза и Груша, если их не задержали, успели далеко уйти. Все глуше звучит, все дальше отодвигается назойливая песенка про незадачливого ефрейтора. Проваливаюсь. Просыпаюсь. В первое мгновение никак не могу понять: что я, где я? Бок по-прежнему ноет. Голову разламывает от боли. С трудом отрываю ее от цементного пола. Жандарм молча ставит рядом со мной кружку воды, броса-

ет кусок хлеба и уходит, трижды поворачивает ключ в замке. Есть совсем не хочется. Но воду выпиваю залпом. Меня и на этот раз не вызывают до самого вечера: день воскресный. Начальство, видно, отдыхает. Мне это на руку. Кажется, я снова задремал днем. Как бы то ни было, к вечеру настало какое-то просветление. Головная боль прошла. Мысль снова заработала четко. Допрашивать будут ночью или утром. Броситься на конвоиров и офицеров? Хорошая смерть, легкая смерть. До пыток не дойдет. Кто от этого выиграет? Не ищешь ли ты легкой смерти, капитан Михайлов? «Герой, кто погибает с честью, но дважды герой тот, кто выполняет свой долг и остается в живых» — этому тоже учили в разведшколе. Учили искать выход из самых безвыходных положений. Учили отрешаться от своего имени, от своего прошлого и будущего.

Помнится, вскоре после войны мне попала небольшая повесть Казакевича. Прочитал запоем. И до сих пор из всех книг об армейских разведчиках не знаю ничего лучше «Звезды». Так точно, с таким знанием деталей, так поэтично о разведчике еще никто не писал. Одно место мне особенно дорого.

«Надев маскировочный халат, крепко завязав все шнурки — у щиколоток, на животе, под подбородком и на затылке, — разведчик отрешается от житейской суеты, от великого и от малого. Разведчик уже не принадлежит ни самому себе, ни своим начальникам, ни своим воспоминаниям. Он подвязывает к поясу гранаты и нож, кладет за пазуху пистолет. Так он отказывается от всех человеческих установлений, ставит себя вне закона, полагаясь отныне только на себя. Он отдает старшине все свои документы, письма, фотографии, ордена и медали, парторгу — свой партийный или комсомольский билет. Так он отказывается

от своего прошлого и будущего, храня это только в сердце своем.

Он не имеет имени, как лесная птица. Он вполне мог бы отказаться и от членораздельной речи, ограничившись птичьим свистом для подачи сигналов товарищам. Он срывается с полями, лесами, оврагами, становится духом этих пространств — духом опасным, подстерегающим, в глубине своего мозга вынашивающим одну мысль: свою задачу».

Тут все точно. И во многом напоминает сборы, уход на задание нашей и подобных ей групп. Но герои Казакевича — дивизионные разведчики. Они даже не снимали свою форму. По ту сторону фронта Травкин для своих оставался Травкиным, Мамочкин — Мамочкиным. Они действовали в ближнем тылу считанные дни, редко — недели. Как правило, работали автономно, полагаясь только на себя. Им не нужны были легенды. А нам предстояла работа за несколько сот километров от фронта, в глубоком вражеском тылу. И обязательно среди людей, хороших и плохих, возможных союзников и... врагов. Мы не могли к ним явиться безымянными, как лесные птицы. И, не зная настоящих имен даже друг друга, надолго отказываясь от прошлого, от своего «я», мы упорно, настойчиво вживались в новые имена, в новую, выдуманную для нас жизнь, в свою легенду.

Десятки людей трудились над каждой такой легендой, сверяя имена, факты, детали. Малейшая ошибка могла привести к провалу. Наша ближайшая цель — легализация в Кракове. Легенды и должны были оправдать наше прибытие в Краков, сделать возможной легализацию. Так мой помощник Гроза стал жителем Львова. Согласно легенде, он работал на одном из заводов, бежал от большевиков. Радистка Груша по легенде — Анна. Анна Молодий. Воспитывалась в детском доме. Из Винницы была отправлена в рейх.

Работала в Берлине на военном заводе. Летом у нее обнаружили туберкулез. С работы освободили. Теперь пробирается домой. У Груши документы — комар носа не подточит: аусвайс — удостоверение, немецкий паспорт, врачебная справка. Штамп, печать — все настоящее, на бланках, добытых нашими разведчиками.

По-разному вращались мы в легенды. В самом процессе вживания в легенды для меня раскрывались характеры моих товарищей. Труднее всего вращение давалось Груше. Натура цельная, прямая, непосредственная, она меняла кожу, насилуя, ломая себя. Алексей, энергичный, темпераментный, не без артистической искорки, наоборот, входил в новую роль легко, изящно, как, вероятно, делал это на сцене районного Дома культуры.

В ту минуту, когда я сдавал документы строгому, неразговорчивому лейтенанту РО фронта, умер и во мне Евгений Степанович Березняк. В прошлом — комсомолец, студент педтехникума, потом коммунист, учитель истории, заведующий горно и снова учитель. Родился Голос, он же, для своих, — капитан Михайлов, он же Владислав Гурский, безработный бухгалтер.

У моей столь тщательно разработанной легенды один-единственный недостаток: она никак не вязалась ни с пистолетом, ни с гранатами, ни тем более с батареями и денежными знаками — таким межнациональным банком.

Спокойней, спокойней. Тебя не расстреляли до сих пор, не допрашивали. Ждут указаний сверху? Какая у тебя цель? Выжить. Обмануть, перехитрить гитлеровцев. Они тоже не лыком шиты. А ты перехитри, выполни задание. Об этом и думай. А какие у тебя шансы? Что ты можешь? Первое — группа. Если Гроза и Груша на свободе, сделай все, чтобы поверили: действовал один.

Твоя явка — Рыбне. Рыбне — под Краковом. На землях Польского генерал-губернаторства. А ты в Обершлейзине — Верхней Силезии, отхваченной у поляков. Граница рейха усиленно охраняется. Значит, надо сделать так, чтобы сами гитлеровцы перевезли тебя через границу. Конечный пункт — Краков. Оттуда к явочным квартирам рукой подать.

Краков... Краков... Краков... Решение приходит в одном слове: марш-агент. Всю ночь шлифую свои показания. Взвешиваю каждое слово, пробую на зубок и так и сяк.

Что сказать? В чем «признаваться»? Когда?

Сразу расколотся? Грош цена такому «признанию». Гитлеровцы знают: наши люди умеют держать язык за зубами. Сразу поймут: игра, или посчитают трусом, с которым и возиться нечего.

Какой же выход? Набить себе цену. На первом допросе, как бы ни мучили, молчать. «Заговорить» на втором. И так, чтобы поверили: не страх, не слабость, а трезвый расчет, инстинкт к жизни заставил это сделать.

А выдержу? Очень важно не упустить момент. С детства испытывал физическое отвращение к побоям, даже к самому прикосновению непрошеной руки. Конечно, случилось — с кем из мальчишек не бывало — и давать, и получать сдачи. Но честный бой, даже уличная драка — одно, другое — когда тебя бьют, а ты ничего не можешь.

Из рассказов Олега — моего дружка по разведшколе (о нем речь впереди) — я знал, что фельджандармерия и гестапо придумали немало страшных пыток.

Олег побывал в руках у тех и других. Обработывали его и вручную, и, как невесело шутил Олег, «техническими средствами». В спецблоке подвешивали, растягивали с помощью особых хитроумных устройств. Чаще всего избивали резиновой палкой, случалось, сплошь унизанной остро-

конечными металлическими гайками, наждачными кольцами кожу с мясом сдирали.

Выложенный бордовыми плитками пол, покрытые кофейно-красной масляной краской стены становились липкими. Некоторых узников обрабатывали так, что они не могли самостоятельно двигаться. Олега раза два не то уносили, не то увозили другие заключенные на носилках с велосипедными колесами.

И так круглые сутки, днем и ночью, в три смены.

— Тут главное, дружище, — повторял Олег, — не потерять контроль над самим собой. Самая коварная штука, когда теряешь сознание. Убьют, ну что ж, и пуля в бою убивает. Сломить?! Сильного боль не ломит. А вот вывести за черту, за предел человеческого — может. На это и надеются, гады. На бредовое, потустороннее состояние.

...Теперь все это меня ожидало.

21 августа, в понедельник, утром в камеру вошли два жандарма. В их сопровождении я и предстал перед герром комендантом и прибывшими сюда гестаповцами. Один из них сидел за столом. Худой, морщинистый. На столе — вещественные доказательства: мой ТТ, финка, деньги, документы, батареи. Гестаповец, стоящий рядом, почтительно нагнулся и что-то зашептал на ухо сидящему. Тот в ответ коротко рассмеялся.

— Ви есть золотая рипка. Я есть старый рипак. Пудет рипка говорийт или молчайт?!

Встал. Подошел. И, не дожидаясь ответа, коротко взмахнул рукой. Боль обожгла. Словно током ударило. На губах соленый привкус крови.

— Это, Иван, цветочки, якотки впереди.

Жандармы по знаку гестаповца схватили меня за руки. Дернули. Заломили до хруста в костях. Снова посыпались удары. Я инстинктивно обхватил руками голову: держать-

ся! Стиснув зубы, глотая кровь, обливаясь потом, молчал.
Боль врезалась в сердце, туманила мозг.

Только бы не потерять сознание.

В парке Чаир распускаются розы.

Снега белее черешен цветы...

Удар по голове...

Цветы, цветы, цветы...

Вспухшие, искусанные в кровь губы.

Снятся твои золотистые косы.

Снится мне море, и солнце, и ты.

Снова удар. Стол, гестаповцы и жандармы поплыли, завертелись в оранжевой карусели. Боль исчезла. Чьи-то мягкие руки подхватывают и несут меня. Прихожу в себя на полу. Жандарм равнодушно, привычно, словно неодушевленный предмет, поливает меня ледяной водой.

Широко расставив ноги, надо мной раскачивается, как маятник, главный мой мучитель:

— Жиф курилька! Ну что? Будем молчайт, говорит?!

Признание должны вымучить — тогда в него поверят. Кто это сказал? Старый казак Шайтан славному гетману Богдану? А может, Олег?

Что ж, вымучивали долго, старательно. Кажется, пора.

Превозмогая страшную слабость, я стал подниматься.

Гестаповец жестом подозвал жандармов.

Тело ныло. Боль снова возвращалась, колючими иглами пронизывая мозг.